

Т.Г.Трофимович (Минск)

О СООТНОШЕНИИ СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ПРЕДМЕТНОЙ НОМИНАЦИИ СТАРОРУССКОГО ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА

В лингвистической науке вопрос о составе номинативных единиц решается неоднозначно, а границы традиционных представлений могут раздвигаться вплоть до включения в этот состав предложения. Проблема номинативного статуса словосочетания тоже существует, хотя, на наш взгляд, стоит менее остро. Начатое в работах Л.В.Щербы и В.В.Виноградова осмысление словосочетания как единицы называющей получило свое продолжение, но ряд исследователей (Т.А.Тулина, Г.А.Золотова, Е.Н.Смолянинова, Ю.С.Долгов и др.) продолжают настаивать на том, что словосочетание не равно слову по номинативной функции и не может считаться наименованием. Нам представляется, что одним из условий принятия верного решения по этой проблеме является признание неоднородности словосочетаний как конструкций, образующих «соединением двух или более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи» [1, с. 469]. Тогда правомерным оказывается вопрос о том, какое из словосочетаний больше соответствует параметрам номинативной единицы *пожилой человек*. *человек высокого роста* или *человек с рюкзаком за плечами*? Нельзя не согласиться с тем, что словосочетание, как и слово, имеет денотативно-сигнификативное содержание, что компоненты словосочетания как бы «утрачивают свою номинативную самостоятельность, перераспределяют значения и образуют иные, более сложные формальные и содержательные зависимости» [2, с. 50]. Думается, что эти утверждения особенно актуальны для атрибутивно-субстантивных словосочетаний типа *зеленый абажур*. номинативный статус которых оспорить крайне сложно.

Язык старорусской деловой письменности содержит интересный материал не только для изучения словосочетания как номинативной единицы, но и для выявления его соотношения со словом. Этот язык в силу целого ряда причин (связь с живой народной речью, коммуникативные установки и стратегии, отсутствие языковых норм в современном понимании и т.д.) позволяет обнаружить и подвергнуть анализу те номинативные процессы, которые в современном русском языке оказываются во многом латентными.

Так, слово как номинативная единица на определенном этапе может переставать удовлетворять потребностям именования, в связи с тем, что замеченными оказываются новые свойства и качества предмета, этим словом названного. Тогда происходит

развертывание базового имени и появление атрибутивно-субстантивного словосочетания. Как показывают наши наблюдения, в сфере предметной номинации старорусского делового языка подобные процессы происходили крайне активно. Так, например, с ком понентом *люди* нами зафиксировано около двухсот неоднословных наименований: *люди беглые, бедные, бессемейные, ближние, богатые, боярские, бродячие, воинские, волостные, воровские, выборные, городовые, дворовые, добрые, домовые, думные, деревенские, дворянские, дозорные, духовные* и т.д.

Использование подобной комбинаторной техники может получить продолжение в том случае, если появляется необходимость эксплицировать сведения о разных свойствах именуемого предмета. Не просто *люди ратные* (т.е. военные), а еще и *пешие* или *конные*—*люди ратные пешие, люди ратные конные* и т.д. Заметим, что в подобных случаях развертывание базового наименования происходило не по принципу «ромашки» (каждый лепесток присоединяется к сердцевине), а по принципу «капустной головки» (каждый последующий лист покрывает предыдущие), т.е. каждый новый атрибутивный компонент называл новый признак уже поименованного неоднословной единицей предмета. Так возникали наименования типа *вотчина домовая архиерейская, деньги домовые мельничные, крестьяне монастырские оброчные, люди посадские беглые* и т.п. Нанизывание атрибутивных компонентов могло достигать и такого вида: И торговым и всяким людям даваны наши *тарханские жалованные новые грамоты...* (ЗА, 91); Бьет челом тебе сирота твои *новоприсыльный опальной пашенный крестьянин* Елизарко Иванов (КЧ, 214). А которые *посадские черные мастеровые люди* сошли с тяглых жеребьев и живут на Москве... (Ул., XIХ,24).

Еще А.А.Шахматов заметил, что «атрибут есть часть общего с определяемым им субъектом или объектом восприятия» [3, с. 502], из чего следует, что атрибутивно-субстантивные словосочетания имеют одну денотативную базу, а значит, вычлениают и называют один фрагмент действительности. Думается, что этим свойством анализируемых номинативных единиц определяется их способность к свертыванию, процессу, в результате которого неоднословное наименование трансформируется в универб. Эта трансформация может осуществляться с помощью аффиксации или с помощью субстантивации. Например, *сальный промышленник—сальный (человек, добывающий морского зверя на сало. СлРЯ XI-XVII вв., 23,27) работный человек—работный (нанимаемый для физического труда, живущий этим трудом. СлРЯ XI-XVII вв., 21,109)*. Такая схема действует активно, при этом велика доля параллельно функционирующих в системе номинации соотносительных универбов и бивербов.

Не исключено, что живой характер отмеченных процессов следует рассматривать как продолжение действия механизмов, заработавших в языке ранее. Тогда забвенным базового имени можно объяснить существование субстантивированных единиц, из толкования которых это имя не выводится. Например, *зимовое (плата за зимнюю сторожевую службу)* или *порядное (плата, обусловленная договором)* и т.п. Ничего не проясняет и возможный в условиях номинативной избыточности другой соотносительный универб: *перебылое, перебыль (плата за временное пользование жильем)*. Почему *зимовое, перебылое, порядное* и т.п. оно? Имя, имущество, что-то другое? А может, субстантив возник сам по себе, по образцу других субстантивных универбов? Ответа на эти вопросы у нас пока нет.

Еще одним звеном в сложном процессе взаимодействия слова и словосочетания в системе предметной номинации старорусского делового языка является развертывание универба, ранее возникшего в результате свертывания биверба. При этом не важно, по какому пути свертывания этот универб возник, поскольку в его универсальной сущности заложена способность к развертыванию: *загонный человек*—*загонщик* (служилый человек по добычанию припасов в военном походе), *староста*—*заказный староста*—*заказчик* (выборное лицо в крестьянской общине, *заказ*—*приказ*, *наказ*, *заказати*—*приказать*, *наказать*), *грамота*—*приговорная грамота*—*приговорная* (приговор—решение), *грамота*—*челобитная грамота*—*челобитная* и далее распространение: *челобитная заручная*, *изветная*, *исковая*, *ложная*, *мировая*, *отсрочная*, *подписная*, *полюбовная*, *ставочная* и т.д.

Производное наименование по своей ономаσιологической структуре двучленно и складывается из ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака (М.Докулил, Е.С.Кубрякова, Э.Секанинова и др.). При свертывании бивербов базовому наименованию (человек, грамота, крестьянин и т.д.), существующему на правах ономаσιологического базиса, в универбе соответствует суффикс, если налицо была аффиксация. При субстантивации происходит редукция базиса и его импликация. Возможность двоякого пути универбации как бы подразумевает сосуществование в системе номинативных средств трехчленной цепочки типа *свободный человек*—*свободный*—*свободник* (словарные данные подтверждают их синхронность во времени). Реально подобная ситуация в системе старорусской предметной номинации встречается нечасто (около 10%), наиболее типична ситуация двучленной цепочки: *заказной староста*—*заказчик* (*выборное лицо в крестьянской общине*) или *человек крепостной*—*крепостной*, *сапожный мастер/швец*—*сапожник*, *портной мастер/швеи*—*портной* и.д.

Таким образом, слово и словосочетание в номинации как системе и номинации как процессе тесно связаны отношениями амбивалентного характера, которые в языке старорусской деловой письменности особенно отчетливо обнаруживаются.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь.—М., 1990.
2. Чикитевич В.М. Основы номинативной деривации.—Мн., 1985.
3. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка.—Л., 1941.

Г.А.Гвоздович (Минск)

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В «ОБСТОЯТЕЛЬНОЙ РОССИЙСКОЙ ГРАММАТИКЕ» А.А.БАРСОВА

Лингвистические идеи гениального ученого М.В.Ломоносова, как известно, особенно последовательно развивались А.А.Барсовым в «Обстоятельной российской грамматике», составленной в 1784-1788 гг. В полном и окончательном виде эта грамматика до нас не дошла, так как при жизни автора издана не была из-за превышения объема и по причине имеющих место отступлений от требований курса народных училищ (есть